

Ташкент. Проспект Навои.
Фото М. Альперта

В КРАСНОМ СЕРДЦЕ АЗИИ

ГЕОРГ АУЭР

АРИСТОКРАТ ИЗ АФГАНИСТАНА

Когда в Ташкенте полночь, в Вене 7 часов вечера. Сейчас там 8 часов вечера, а я должен спать, ибо здесь, в Ташкенте, уже час ночи. Сажу в отеле, смотрю телевизор и жду, когда придет сон. Но вместо сна приходит элегантно одетый господин, спрашивает по-английски, нет ли у меня спичек и почему я не сплю. Спичек у меня нет, и я не хочу спать. Может, у меня болит голова? Нет, я просто не хочу спать. Может, я желаю выпить виски? Да, но где взять? Виски — не узбекский нацио-

Г. Ауэр — прогрессивный австрийский журналист, совершивший поездку по республикам Средней Азии. Редакция публикует отрывки из его репортажей опубликованных в газете «Фольксштимме».

нальный напиток, а магазины закрываются в 10 часов. В комнате у господина есть виски. Итак, за всеобщее и узбекское благо! Прозит!

По чертам лица его можно принять за таджика, по одежде — за англичанина. С невысокой таджикской, которая работает на этаже и занимается всем, начиная от выдачи ключей и кончая выдачей утюга, он разговаривает на непонятном мне языке. Значит он или таджик, или (и, конечно, это так) афганец.

Господин не является родственником этой де-вушки.

— Я афганский дипломат, из аристократов. Мой отец министр. Мой дедушка был государственным деятелем. Я учился в лучших школах мира.

Он остался на несколько дней в Ташкенте, чтобы познакомиться с городом. Три дня он здесь, хотя самолет регулярно летает в Кабул.

— Я потрясен тем, что увидел. Мы в Афганистане стараемся двигаться вперед, но то, что происходит в Ташкенте... Верите ли, когда я был мальчиком, моя страна и эта — находились на одном уровне развития. Небольшая группа людей — к ним, слава богу, принадлежу и я — умела читать и писать. Но сейчас — у меня это не укладывается в голове — здесь нет неграмотных... Президент страны — женщина... Университеты, институты, промышленность... Я целыми днями ношусь и смотрю, смотрю. Здесь такие же люди, как и у нас. Значит, это зависит не от людей. Мы в Афганистане прилагаем столько усилий, но нет даже и тени таких успехов. Мы и сейчас очень бедны. Я приезжаю сюда и вижу, что совсем нет бедняков. Посмотрите, какие все жизнерадостные, посмотрите на красивые дома, на арыки. Я знаю, вы скажете: ну а кибитки? Они сразу бросаются в глаза европейцу. Но посмотрите на дома, которые строятся, посчитайте, сколько их. А затем: есть ли в этих глиняных домиках нищета, болезни, суеверия? Живущие в кибитках учатся так же, как у нас сыновья богачей, как, например, я. Обитатели кибиток становятся инженерами, мастерами, врачами наравне со всеми. Он налил мне еще стакан.

— У нас строят дорогу через горы. Строительством руководят инженеры из Советского Союза. Когда я туда пришел, мне дали пальто из овчины, потому что на стройке холодно. Русские не пользуются там никакими привилегиями. Они спят в таких же примитивных домиках, как наши техники. Когда русские увидели, что наши служащие имеют по одному одеялу, они тоже отказались от второго. Они едят то же самое, что и наши рабочие-афганцы. Вот это люди!

Вы себе не представляете, что такое бедность и темнота. Вы, с вашими европейскими взглядами, не в состоянии оценить то, что здесь произошло. Мне многое не нравится, многого я не понимаю. Но разве это причина, чтобы не считать результаты грандиозными? Школы и процветающая наука! Где наука, там и свобода. Только темных людей можно превратить в рабов. Для вас этот базар не такой романтический, потому что он чистый. Для Европы романтикой Востока всегда была грязь. Как освободиться от нее — это нам здесь показали. Разве это не романтика? Еще какая! Извините, я нарушил два важнейших принципа гостеприимства: я долго сам говорил и не наполнил ваш стакан. За Ташкент, прозит!

Этот односторонний разговор длился три часа, и я не могу передать всю восточную яркость экзальтированной речи афганского дипломата.

¹ Прозит (нем.) — ваше здоровье.

МНОГОЦВЕТНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Ташкент — огромный город, не уступающий по своей величине Вене. В нем живет миллион жителей самых разных национальностей: узбеки, таджики, киргизы, туркмены, казахи, корейцы, украинцы, русские и т. д. Всего 60 национальностей. Вначале теряешься от этого вавилонского столпотворения. Но потом привыкаешь так же, как привыкаешь к удивительно ярким, радующим взор платьям узбечек, к мужчинам, одетым в тюбетейки и халаты. Так же, как привыкаешь при переходе улицы прыгать через водосток. (Летом при температуре 50 градусов в тени этот арык дает прохладу и влагу.)

Что же по-настоящему представляет интерес в Ташкенте? Старый город, похожий на тысячи городов Передней Азии и Северной Африки, с кибитками и заборами из глины, отличающийся от них лишь тем, что здесь на крышах установлены антенны? Или шашлычная на базаре? Или модернизированный отель против построенного в новейшем стиле с национальными древними орнаментами Театра оперы и балета имени Алишера Навои? Или Чиланзар, новый жилой квартал, в архитектуре которого видны (правда, не всегда удачные) творческие поиски? Или громадные клубы рабочих? Или гиганты промышленности рядом со старинными крендельными? А может быть, мечети? («Работает», — ответил на наш вопрос веселый мальчик, указывая на мечеть и не во славу аллаха покрутил пальцем у лба.)

Может, представляют интерес Ташкентский университет, Институт путей сообщения, хлопководческий, или Институт по изучению шелкопряда? А может, то, что здесь, в бесконечной пустыне, все цветет, и весной запах цветов заполняет улицы?

Все это, конечно, очень интересно. Все это вместе и образует многоцветный калейдоскоп ярчайших красок. Крупный журналист Эгон Эрвин Киш был в Ташкенте в 30-х годах, когда только что покончили с последними бандитскими шайками и когда женщины смогли, не боясь никого, сбросить чадру. Он тогда нарисовал незабываемую картину, которая вошла в историю журналистики, картину в красных и серых красках.

Он показал, как красный цвет революции сталкивается с серым цветом традиций и поглощает его. Серый цвет все же попадает, но очень редко. Он уступает путь новым молодым цветам.

ВОСТОК НАСТУПАЕТ НА ЗАПАД

В быстром темпе мы промчались на машине через Ташкент. Объяснения давал главный архитектор города. Ташкент вырос очень быстро. В 1926 году была 321 тысяча жителей, сейчас — миллион. Основная проблема: старый город с глиняными кибитками, с волшебствами восточного базара. В двух километрах находится новый город. Эту ничейную зону между старым и новым городом образовали господа из царского управления. «Восток есть Восток, и Запад есть Запад, и никогда они не сойдутся», — так писал Киплинг, великий поэт английского империализма. Подобного мнения придерживались и царские чиновники — хозяева Ташкента — и построили управление подальше от «туземцев». Как же быть с этим?

Была запланирована такая реконструкция: сначала выстроить новые дома в старом городе (вместо

кибиток), а затем продолжать строительство за чертой старого города. Была построена улица имени Алишера Навои, который жил 500 лет назад. Справа — громадные здания, жилые дома, учреждения, кино, телеграф. Слева — стадион на 60 тысяч зрителей, радиоцентр. С быстрой ветрой вырос город.

А раньше было так. Вместо домов возникали глиняные кибитки. Они строятся очень быстро, много быстрее, чем блочный дом, для возведения которого надо не менее 58 дней. Помогает вся семья, и уже из глины и соломенной сечки готов забор, а в тени большого дерева строится дом. Во дворе стоит кушетка, в комнатах также стоят кушетки и печь. Все. Вопрос о мебели решен. Сидят на кушетке или на земле. Если переезжают из кибитки в новое помещение, то по настоянию женщин покупается мебель в стиле модерн.

Новый жилой район Чиланзар. Деревья вдоль домов молодые, да и дома тоже. Но скоро тень от деревьев и зелень будут защищать от солнца, которое печет, как в Египте. Чиланзар может служить выставкой советских архитектурных стилей. Здесь можно увидеть плоские дома, радующие глаз. Красные, зеленые, желтые или голубые, как жилые дома в Италии. Это последний крик. Затем кирпичные дома. Они были спроектированы год или два назад и не такие современные. Теперь такие не строят. Главный архитектор считает: «Дом должен своим видом радовать, иначе люди не вселяются».

В кибитках живут не только узбеки, в них живут русские и украинцы. За редким исключением, они чувствуют себя там хорошо. Летом в этих домах прохладно, ибо трава, растущая на крыше, служит изоляцией — спасает от жары. Зимой кибитки легко отапливать. В жаркие ночи можно спать во дворе. Если семья увеличивается, быстро возникает пристройка из глины и соломенной сечки. И потому переселение в жилой дом не всегда вызывает водовождение.

Тот, кто хочет увидеть старый Ташкент, его базары с государственными кооперативными магазинами, полюбоваться центральной базарной площадью и чайханой, в которой мужчины сидят по-турецки на кушетке и передают друг другу пиалу с горячим чаем, тот должен поспешить, ибо в 1965 году начнут ломать старый город и строить здесь новые дома, как это делается уже сейчас на окраинах города, где бульдозеры вступили в единоборство с кибитками.

ЗОДЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА

В Ташкенте вышел в свет на восьми языках — узбекском, русском, арабском, китайском, хинди, французском, английском и немецком — художественный альбом «Зодчество Узбекистана».

Иллюстрации альбома рассказывают о наиболее значительных памятниках узбекской архитектуры XIII—XIX веков в Самарканде, Бухаре и Хиве, о лучших образцах современной национальной узбекской архитектуры.